

Астахова Марина Анатольевна,
канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права
и международного права Института государства и права
Тюменского государственного университета
m.a.astakhova@utmn.ru

ПАНДЕМИЯ КОРОНАВИРУСА КАК ОГРАНИЧИТЕЛЬ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

УДК 347.1

Аннотация. Объявленная в марте 2020 г. пандемия коронавируса послужила причиной возникновения исследовательских вопросов в различных научных областях, включая, область права. Цель настоящей статьи заключается в определении роли пандемии коронавируса (и принимаемых в связи с ее провозглашением ограничительных мер) в качестве объективного ограничителя на пути беспрепятственного осуществления гражданских прав. Достижение поставленной цели осуществляется путем изучения пандемических мер в контексте обстоятельств непреодолимой силы, освобождающих должника как сторону обязательства от ответственности за ненадлежащее исполнение или неисполнение обязательства, тем самым, лишая кредитора возможности беспрепятственно осуществить свое право. Предметом исследования выступают: нормы российского гражданского законодательства в части регулирования обстоятельств непреодолимой силы; некоторые нормативные акты различных государственных органов, принятые в связи с провозглашением пандемии; разъяснения Пленума и Президиума Верховного Суда Российской Федерации касательно обстоятельств непреодолимой силы и пандемии. Результатом исследования является вывод о том, что пандемия коронавируса и сопутствующие ей ограничительные меры могут позиционироваться в качестве ограничителя процесса осуществления гражданских прав только в случае признания за ними статуса чрезвычайных и непредотвратимых обстоятельств. Процесс такого признания носит формализованный характер и предполагает установление специального фактического состава, включающего в себя ряд обстоятельств, свидетельствующих о чрезвычайности и непредотвратимости пандемических мер.

Ключевые слова: пандемия коронавируса, ограничительные меры, ограничитель беспрепятственного осуществления гражданских прав, обстоятельства непреодолимой силы, чрезвычайные и непредотвратимые обстоятельства.

Marina A. Astakhova,
Candidate of Science, assistant professor, assistant professor of Department
of State Theory and Law and international law, Tyumen state University
m.a.astakhova@utmn.ru

CORONAVIRUS PANDEMIC AS A LIMITER ON THE EXERCISE OF CIVIL RIGHTS

Abstract. The coronavirus pandemic announced in March 2020 caused research questions in various scientific fields, including the field of law. This paper aims to determine the role of the coronavirus pandemic and the restrictive measures taken with its proclamation, as an objective limiter of the unhindered exercise of civil rights. The achievement of the stated aim is pursued through the study of pandemic measures in the context of force majeure circumstances that exempt the debtor as a party to the obligation from liability for improper performance or default, thereby preventing the creditor from freely exercising its right. The subject of the study are: the norms of Russian civil law regarding the regulation of force majeure circumstances; some regulations of various public authorities adopted in connection with the proclamation of a pandemic; clarifications of the Plenum and the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation regarding the circumstances of the force majeure and pandemic. The main finding of the paper is that the coronavirus pandemic and its restrictive measures can only

be positioned as a limiter on the exercise of civil rights if they are recognized as extraordinary and unpredictable circumstances. The process of such recognition is formalized and involves the establishment of a special factual composition, consisting of a set of circumstances that demonstrate the urgency and unpredictability of pandemic measures.

Keywords: coronavirus pandemic, restrictive measures, limiter of the unhindered exercise of civil rights, force majeure, extraordinary and unpredictable circumstances.

В марте 2020 г. Глава Всемирной организации здравоохранения Тедрос Адханом Гебрейесус заявил, что распространение нового коронавируса носит характер пандемии. Чрезвычайный характер обозначенного события ставит перед человечеством целый ряд вопросов, в том числе и правового характера. В настоящем исследовании будет предпринята попытка изучения одного из таких вопросов, а именно является ли пандемия коронавируса фактором, ограничивающим реализацию прав субъектов гражданско-правовых отношений согласно нормам российского законодательства и положениям правоприменительной практики.

В качестве одного из основных начал гражданского законодательства в п. 1 ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) провозглашается необходимость беспрепятственного осуществления гражданских прав. При этом ни в рамках указанной статьи, ни иных норм гражданского законодательства сущность такой беспрепятственности не раскрывается. Обращение к правовой доктрине показывает, что принцип беспрепятственного осуществления гражданских прав является одним из наименее изученных. В основной массе исследований указанный принцип преимущественно анализируется лишь в рамках проблематики пределов осуществления гражданских прав [1, с. 61-66; 2, с. 55-58]. Что же касается изучения его сущностных характеристик, то им посвящены только единичные работы [4, с. 3-6].

В условиях нормативной и доктринальной неопределенностей попытка уяснения смысла беспрепятственности как характеристики процесса осуществления гражданских прав представляется нам оправданной через призму семантического толкования. В многообразии существующих лексических определений оптимальным видится толкование беспрепятственности как отсутствия преград или ограничений. Проецирование этого толкования в плоскость осуществления гражданских прав, с учетом заявленной законодателем беспрепятственности, позволяет прийти к предварительному заключению о том, что на пути такого осуществления нет каких-либо ограничителей, права реализуются свободно и полноценно. Однако фактически это не так, ибо в структуре нормативного материала обнаруживаются отдельные положения, позволяющие определить беспрепятственность как относительную характеристику процесса осуществления субъективных гражданских прав, подвергающуюся в отдельных случаях легитимным корректировкам. В подтверждение заявленного тезиса приведем ряд примеров.

В частности, обращение к ст. 10 ГК РФ позволяет вычленить ряд обстоятельств правовой действительности, наличие которых не допускает осуществление гражданских прав, а в случае, если такое осуществление все-таки имело место, возникают неблагоприятные юридические последствия (полный или частичный отказ в защите права, принуждение к возмещению убытков и т.п.). В контексте указанной статьи, в роли ограничителей на пути реализации прав обозначаются такие обстоятельства как поведение правообладателя, ориентированное исключительно на причинение вреда иным лицам, действия противоправной направленности, нацеленные обойти закон, использование прав для ограничения конкуренции либо злоупотребления рыночным доминирующим положением.

В качестве еще одного ограничителя полноценной реализации гражданских прав, а точнее их отдельной разновидности — прав сторон обязательств, возникающих в процессе реализации предпринимательской деятельности, может быть позиционирована непреодолимая сила. Согласно смыслу п. 3 ст. 401 ГК РФ, при выявлении непреодолимой силы (чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств), кредитор как сторона предпринимательского обязательства, допустивший неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязанностей, освобождается от ответственности. Неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанности кредитора в той или иной степени ущемляет другую сторону — должника, лишая его возможности частично или полностью реализовать свое право. Таким образом, непреодолимая сила за счет нивелирования обязанности, приобретает значение преграды в динамике обязательственного процесса.

В свете вышесказанного, рассмотрение пандемии коронавируса как фактора ограничения реализации прав субъектов гражданско-правовых отношений представляется целесообразным в контексте непреодолимой силы. При этом первоочередной исследовательской задачей видится установление правовой природы пандемии в целом.

Обращение к нормативному материалу демонстрирует факт отсутствия легального определения пандемии, тем самым стимулируя привлечение иных источников информации, в том числе неправового характера. Согласно энциклопедической дефиниции, пандемия (от греч. *πάνδημος* — всеобщий, всенародный) — это крупномасштабная эпидемия, которая может охватывать всю страну, несколько соседних стран и даже континенты [4, с. 208]. В Положении о порядке свидетельствования Торгово-промышленной палатой Российской Федерации обстоятельств непреодолимой силы (форс-мажор) (приложение к постановлению Правления ТПП РФ от 23.12.2015 № 173-14) эпидемия признается обстоятельством непреодолимой силы (форс-мажором). На фоне представленных дефиниций напрашивается вывод о том, что как разновидность эпидемии, пандемия тоже может быть определена в качестве обстоятельства непреодолимой силы. Однако обзор существующих нормативных положений касательно пандемии коронавируса приводит к иным выводам.

Объявление пандемии коронавируса послужило толчком к принятию в Российской Федерации целого ряда специальных нормативных актов, в некоторых из них она была возведена в ранг форс-мажора. Так, в абз. 2 п. 2 Письма Минфина России, МЧС России и Федеральной антимонопольной службы от 3 апреля 2020 №№ 24-06-05/26578, 219-АГ-70, МЕ/28039/20 «О позиции Минфина России, МЧС России, ФАС России об осуществлении закупок товара, работы, услуги для обеспечения государственных и муниципальных нужд в связи с распространением новой коронавирусной инфекции, вызванной 2019-nCoV» содержится следующая формулировка: «...распространение новой коронавирусной инфекции, вызванной 2019-nCoV, является обстоятельством непреодолимой силы». Пунктом 20.1 Указа мэра Москвы от 5 марта 2020 № 12-УМ «О введении режима повышенной готовности» распространение новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV) признано чрезвычайным и непредотвратимым обстоятельством, повлекшим введение режима повышенной готовности в соответствии с Федеральным законом от 21 декабря 1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», который является обстоятельством непреодолимой силы. Как чрезвычайное и непредотвратимое обстоятельство экспансия рассматриваемой инфекции также была детерминирована и в п. 2 Постановления Правительства Тюменской области от 17 марта 2020 № 120-п «О введении режима повышенной готовности».

Как видно из приведенных документов, органами государственной власти различных уровней было принято однозначное решение о том, что пандемия является обстоятельством непреодолимой силы. В то же время непризнание такого статуса пандемии на уровне специального акта высокого уровня юридической силы типа федерального закона или постановления Правительства породило вопросы в правоприменительной практике. Ситуация с обозначенной проблематикой значительным образом прояснилась только после утверждения 21 апреля 2020 г. Президиумом Верховного Суда РФ «Обзора по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1». В разделе II «Вопросы применения гражданского законодательства» данного акта были представлены специальные разъяснения.

Анализ обозначенных разъяснений позволяет сделать ряд выводов. Прежде всего, следует отметить, что формирование позиции Президиума Верховного Суда РФ по вопросу о статусе пандемии как форс-мажора осуществлялось строго в рамках правил п. 3 ст. 401 ГК РФ и п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств». В ракурсе содержания указанных норм выдвигается ключевой тезис о том, что пандемия коронавируса не может однозначно рассматриваться как универсальное обстоятельство непреодолимой силы. В контексте заявленного тезиса, в частности, в ходе признания пандемии форс-мажором уменьшается значение таких факторов как категория должников, тип их деятельности и условия ее осуществления (включая регион реализации обязательства). Особое значение, напротив, придается индивидуальным обстоятельствам неисполненного или ненадлежащим образом исполненного обязательства, таким как характер правоотношения и сроки его реализации, наличие в действиях должника добросовестности и разумности.

Президиумом Верховного Суда РФ был сделан особый акцент на необходимости установления как в отношении пандемии в целом, так и принимаемых в связи с ней мер, таких присущих форс-мажору характеристик как чрезвычайность и непредотвратимость. Выявление чрезвычайности должно происходить путем обнаружения исключительности анализируемого обстоятельства, проявляющейся в его необычности для тех или иных условий функционирования. Непредотвратимость следует констатировать

в том случае, когда доказано, что идентичный по функциональному статусу участник гражданских правоотношений также не смог бы миновать наступления чрезвычайного обстоятельства или его последствий. Выявление зависимости обстоятельств от воли или действий стороны обязательства (например, несоблюдение условий согласованного договора контрагентами должника или незаконные действия его представителя) будет означать невозможность признания таких обстоятельств форс-мажором.

Согласно позиции законодателя, изложенной в п. 3 ст. 401 ГК РФ, некоторые виды ситуаций не могут быть отнесены к форс-мажору. В частности, факт отсутствия у должника необходимых для полноценной реализации своих обязанностей денежных средств не расценивается в качестве обстоятельства непреодолимой силы. В разрезе пандемии и сопутствующих ей мер, данный нормативный тезис получил некоторую переоценку. По мнению Президиума Верховного Суда РФ, обусловленность отсутствия денежных средств введенными в связи с пандемией ограничительными мерами, например, запретом некоторых видов деятельности, может быть признана обстоятельством непреодолимой силы. При этом кредитор будет освобождаться от ответственности в случае доказанности факта, что любой иной участник аналогичного обязательства, характеризующийся разумностью и осмотрительностью, был также лишен возможности избежать невыгодных денежных итогов деятельности по причине введения пандемических ограничительных мер.

С учетом вышеизложенного, возвращаясь к вопросу о том, является ли пандемия коронавируса своеобразным ограничителем на пути осуществления гражданских прав, можно сделать следующее заключение. Пандемия коронавируса, а также принимаемые в связи с ее объявлением рестриктивные меры, могут рассматриваться в качестве ограничителя процесса осуществления гражданских прав в случае признания за ними статуса чрезвычайных и непредотвратимых обстоятельств (форс-мажор). Ограничительное действие указанных обстоятельств проявляется за счет отмены ответственности должника за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанности, что ведет, в свою очередь, к невозможности полноценной реализации права кредитора. В процессе принятия решения о признании пандемии и ее правовых следствий форс-мажором должны быть доказаны: факт наличия и временной длительности ситуационно обусловленных чрезвычайных и непредотвратимых условий; причинно-следственная связь форс-мажора и ненадлежащего исполнения обязанности должника; факт отсутствия причастности должника к формированию форс-мажора; факт добросовестного и разумного принятия должником возможных мер, направленных на исполнение обязанности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вавилин Е.В. Благоприятная правовая среда как условие беспрепятственного осуществления прав и исполнения обязанностей // Российский юридический журнал. 2009. № 3. С. 61-66.
2. Дерюгина Т.В. Свободное и беспрепятственное осуществление прав как принцип гражданского права // Актуальные проблемы правоповедения. 2010. № 4. С. 55-58.
3. Жаров С.Н. ПАНДЕМИЯ // Большая российская энциклопедия. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/medicine/text/2702146> (Дата обращения: 11.11.2020).
4. Рыженков А.Я. Беспрепятственное осуществление гражданских прав как принцип российского гражданского законодательства // Гражданское право. 2014. № 5. С. 3-6.